

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 96 (3752)

Суббота, 10 августа 1957 г.

Цена 40 коп.

Нет, это не сказка!

Зденек АДЛА,
редактор чехословацкого
журнала «Иветы»

Советский Союз — это страна, где наше завтра стало уже вчерашним днем. Однако слова товарища из ВОКСА прозвучали для нас так, будто он сказал: «Вот видите там, в небе, планету? Через десять лет я построю на ней дачу...»

Признаюсь, мы не очень-то поверили в услышанное предсказание. Совсем недавно кончилась война, принесшая неслыханные разрушения; множество городов, сел и заводов было превращено в руины, в самой Москве чувствовался недостаток самых основных предметов потребления, и, видя все это, мы

Ремонт

думали, что у Коммунистической партии Советского Союза, у Советского правительства будет много куда более важных забот, чем строительство университетов, да еще в таком грандиозном масштабе.

Но прошло с тех пор всего пять лет, и «предсказание» не только свершилось, но и превзошло все ожидания: на Ленинских горах вырос великолепный город с университетом, не имеющим в мире равного.

Бесподобно изменились и Лужники. Всего четыре года назад я смотрел с Ленинских гор на невзрачную территорию старых Лужников, и мне было обидно, что они портили вид на Москву. Признаюсь, при посещении Ленинских гор мне всегда хотелось, чтобы мои друзья по делегации не смотрели на загрязненное пространство, чтобы они смотрели только на юг — на прекрасный Дворец науки. А теперь глядеть на Лужники — удовольствие. Это не просто стадион, а целый замечательный комплекс

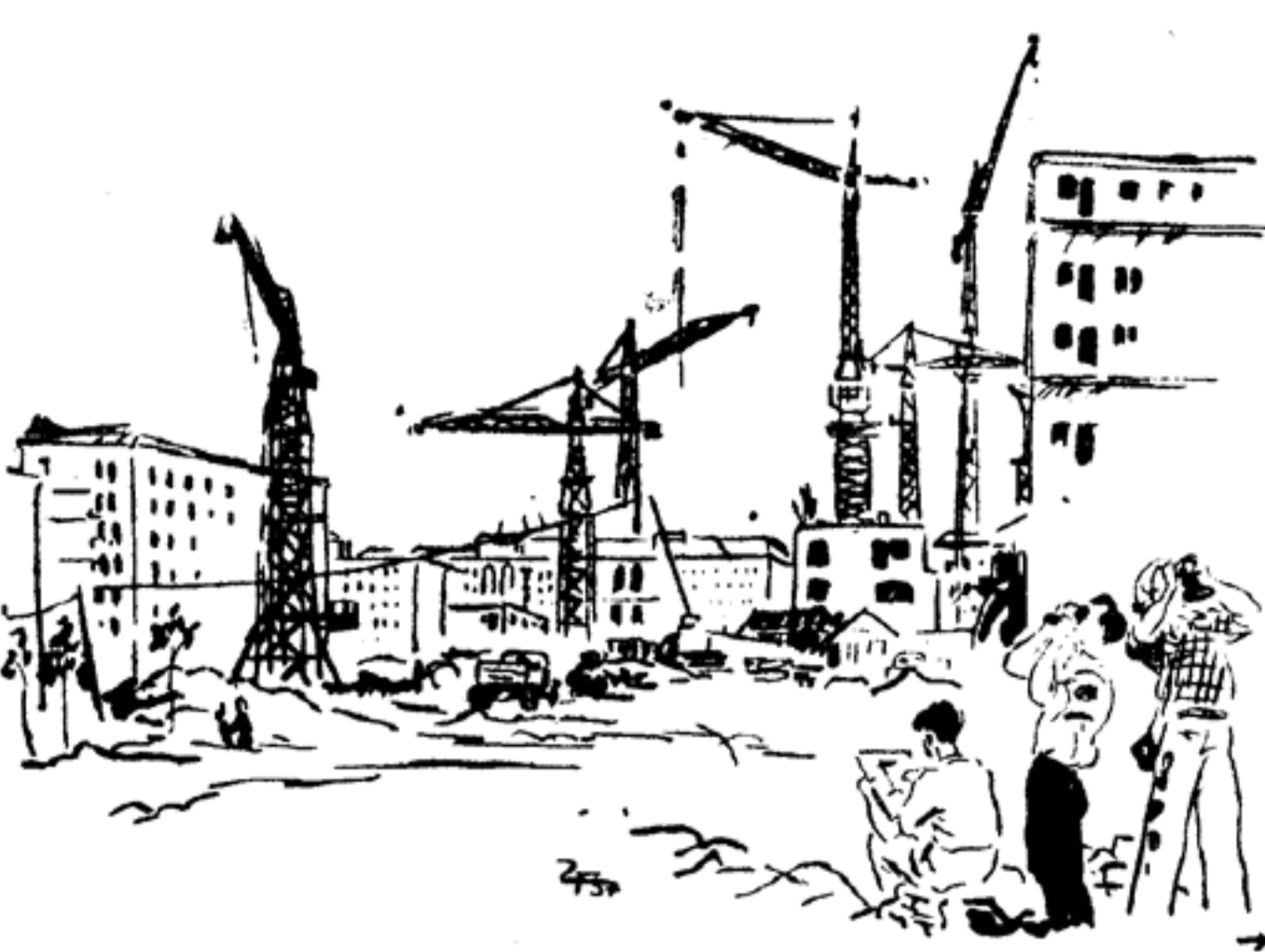
спортивных сооружений, размахенных в благоустроенном парке.

Примерно три года назад мы как-то забрели с дочкой на далекую окраину Москвы, в Черемушки. Моя Светлана впервые увидела там настоящих коров. Издали они показались ей такими крохотными, что Светлана захотелось взять одну из них с собой в гостию. Нам пришлось проделать немалый путь по лугам, чтобы Светлана сама убедилась в том, что корова совсем не котенок, как это ей показалось, и она не поместится ни в ее детской сумочке, ни в моем большом кармане. И вот на днях я вновь очутился в Черемушках. Это просто поразительно, что я там увидел! Так бывает только в сказках, когда по мановению волшебного жезла чудесно изменяется место: там, где три года назад паслись коровы, теперь выросли большие, светлые жилые дома, магазины, детские сады, ясли. По широкому асфальтированному проспекту, окаймленному зеленью, мчатся легковые автомобили, автобусы и троллейбусы. Если бы здесь находилась моя Светлана, верящая и сейчас в сказки, она, наверное, сказала бы: «Папа, здесь был волшебник, он махнул своей палочкой, и вместо коров выросли дома. Не так ли?»

Пусть не удивляет вас фантазия моей Светланы. Ведь даже взрослому, бывало, человеку трудно сразу понять, что все эти новые кварталы, и дороги, и сады, и парки созданы всего за неполные три года. И не по мановению волшебной палочки, а титаническим усилием советских людей выросли такие же кварталы жилых домов на Октябрьском поле, на Ново-Песчаных улицах, на Рязанском шоссе, в Измайлове, в Сокольниках, на шоссе Энтузиастов и во многих, многих других районах Москвы. Я не успел еще посмотреть все в городе: в шумном и пестром фестивальном движении не так-то легко пройти из одной части города в другую, а собственного вертолета у меня нет, но где бы я ни был, — всюду масса новых домов, тысячи новостроек.

Москва продолжает удивлять и радовать. С волнением прочитал я в газетах, что Коммунистической партии Советского Союза и Советскому правительству кажется недостаточным подинно грандиозный размах жилищного строительства, и они издали постановление о дальнейшем развитии

каждой цифра восхищает, вселяет новые силы и непоколебимую веру в нашего великого друга — в советский народ. Новые задачи советских строителей, содержащиеся в постановлении, поистине изумительны, и если бы я не знал советского народа, то трудно было бы поверить, что все эти колоссальные задачи осуществлены в намеченный срок. Но я знаю советский народ, знаю его трудолюбие, его мудрость, его твердую решимость построить коммунизм, знаю и многие другие его прекрасные качества, поэтому вместе со всеми людьми Чехословакии люблю его, поэтому люблю советского народа.

Новостройка
Рисунки чехословацкого художника Зденека Филипа

строительства новых жилых домов в Москве и по всей стране. Каждая цифра в постановлении — жилища в Москве и по всей стране. Каждая цифра

каждой цифра восхищает, вселяет новые силы и непоколебимую веру в нашего великого друга — в советский народ. Новые задачи советских строителей, содержащиеся в постановлении, поистине изумительны, и если бы я не знал советского народа, то трудно было бы поверить, что все эти колоссальные задачи осуществлены в намеченный срок. Но я знаю советский народ, знаю его трудолюбие, его мудрость, его твердую решимость построить коммунизм, знаю и многие другие его прекрасные качества, поэтому вместе со всеми людьми Чехословакии люблю его, поэтому люблю советского народа.

ВИЗИТ ДРУЖБЫ

Скажите, где мы взяли столько сил,
Чтобы начать в стране восстановление?
Союз Советский дал нам направление
И нас труду для мира научил.

Может быть, далеко не все немцы, собравшиеся 8 августа на подходе к тихой, утопающей в зелени Берлинской улице Лунденштрассе, знали эти слова поэта Эрика Вайнера, но безусловно, они думали так же, как поэт. В этот день в белокаменное здание Народной палаты ГДР вошли чтобы присутствовать на заседании палаты члены Партийно-правительственной делегации Советского Союза. Тысячи берлинцев, среди которых было немало жителей западных секторов города, вышли на улицы приветствовать дорогих гостей.

Нужно ли говорить, насколько большое значение в современной обстановке в Европе имеют дружба и сотрудничество между нашей страной и первым германским государством рабочих и крестьян.

Германия занимает ключевое положение в Центральной Европе. От того, в каком направлении будет развиваться жизнь германского народа, в значительной степени зависит судьба Европы. И если немцы Германской Демократической Республики знают, что политика их государства полностью соответствует словам их гимна:

Мы стоим за мир, чтоб людям
Не терять своих детей
На полях войны,

— то, к сожалению, совсем иную политику проводят руководящие группы Западной Германии.

На историческом заседании Народной палаты 8 августа премьер-министр ГДР Отто Гротеволь провозгласил конкретную программу разрешения германского вопроса. Он предложил создать конфедерацию — свободный союз обоих германских государств.

Н. С. Хрущев, выступая с трибуны Народной палаты, полностью поддержал эту программу воссоединения Германии и тем самым выразил суждение всего советского народа. Речь посланца Советской страны, подчеркнувшего нерушимость дружеских уз, связывающих ГДР и СССР, была выслушана с огромным вниманием и не раз прерывалась бурными овациями. «Дружба трудящихся Германской Демократической Республики и советского народа — большое завоевание», — сказал Н. С. Хрущев. — Она покоится на прочных и неизбывных основах пролетарского интернационализма, вдохновляется великими идеями борьбы за лучшее будущее человечества.

Мировая печать уделяет большое внимание пребыванию советской Партийно-правительственной делегации в ГДР. «Это одна из тех встреч», — пишет польская газета «Трибуна труда» — «которые укрепляют силы, борющиеся с направлением против мира политикой определенных кругов на Западе и в первую очередь с возрождающимся в Западной Германии милитаризмом и шовинизмом».

Сейчас советская делегация совершает поездку по стране, знакомится с жизнью и успехами немецких рабочих и крестьян, строящих социалистическую Германию.

К МОЛОДЕЖИ МИРА

С VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве мы обращаемся к вам, наши друзья, наши младшие братья и сестры, наши дети!

Это чудесный фестиваль. Вы прочтете о нем. Возможно, услышите по радио. Более 30.000 юношей и девушек, таких, как вы, приехали в Москву со всех концов земного шара. Они пересекли многие рубли, океаны, долины и горы, чтобы встретиться и научиться лучше понимать друг друга.

И они, и вы — наследники многовекового прогресса человечества. Величайшие умы многих поколений передали нам и вам плоды стоletий своего мастерства, труда и открытий. Все это ныне принадлежит вам, и вы имеете возможность развивать дальше эти достижения во имя большего счастья, во имя более полной красоты и славы жизни.

На фестивале мы видели, как в личных встречах преодолевались преграды, порожденные предрассудками и недоверием. Мы видели сияющие глаза, мы слышали смех и песни, чувствовали теплоту дружеских рукопожатий. Молодежь мира заключала дружеский союз взаимного доверия и взаимного понимания. Здесь в эти дни кажется невозможным, чтобы от этих юношей и девушек когда-нибудь могли потребовать убивать друг друга.

Но не успокаивайте себя. Такой невозможно пока еще нет.

Вместе с вами мы должны добиться, чтобы это стало возможным.

Наш долг предостеречь вас от излишней беспечности в дни вашей юности, силы и счастья. Не забывайте, что все еще существует опасность войны, которая может похитить красоту и молодость.

Мы, люди старшего поколения, слишком хорошо знакомы с ужасами, лишениями и человеческими жертвами, которые принесла вторая мировая война. Многим из вас также они известны. Если же разразится третья мировая война, она будет несравненно более ужасной.

Но даже «холодная война», подготовка к войне, колоссальные затраты на вооружение, неизбежное снижение жизненного уровня, отравление сознания людей подозрением и ненавистью и сверх того — заражение воздуха и воды, а также человеческого организма в результате испытаний атомных и водородных бомб — все это делается нестерпимым.

Поэтому мы, старшие, призываем вас не забывать ни на минуту о борьбе, которая идет сейчас, ведется ежедневно, между силами мира и теми, кто стремится на него посягнуть. Эта борьба еще не выиграна, но во имя всех и каж-

дого ее надо выиграть, и мы не можем быть уверенными в победе, если все мы не будем действовать с полной силой. Никто из нас не может оставаться в стороне.

Мы хотим, чтобы все вы присоединились к этой борьбе — и не только присоединились, но и шли в первых рядах защитников мира. Ибо вас это касается прежде всего: в новой войне на вас падут первые смертельные удары, а ведь вам надо дольше жить в этом мире. Мир будущего принадлежит вам!

Побеседуйте с делегатами, которые скоро вернутся в свои страны, вы узнаете, что все народы подлинно дружны между собой. Добивайтесь того, чтобы молодым людям не только казалось невозможным убивать друг друга, но чтобы это и на деле стало навсегда невозможным. Настаивайте на немедленном прекращении испытаний ядерного оружия и далее — на всеобщем разоружении. Энергично объединяйтесь в защиту мира в вашей стране со всей силой, смелостью и энтузиазмом молодости.

Угроза войны и гибельные последствия в подготовке к ней отдаляют нас от установления прочного мира на земле. Боритесь против этих угроз и бедствий. Добивайтесь этого счастливого мира! Мир — это жизнь! Пусть будет прочный мир!

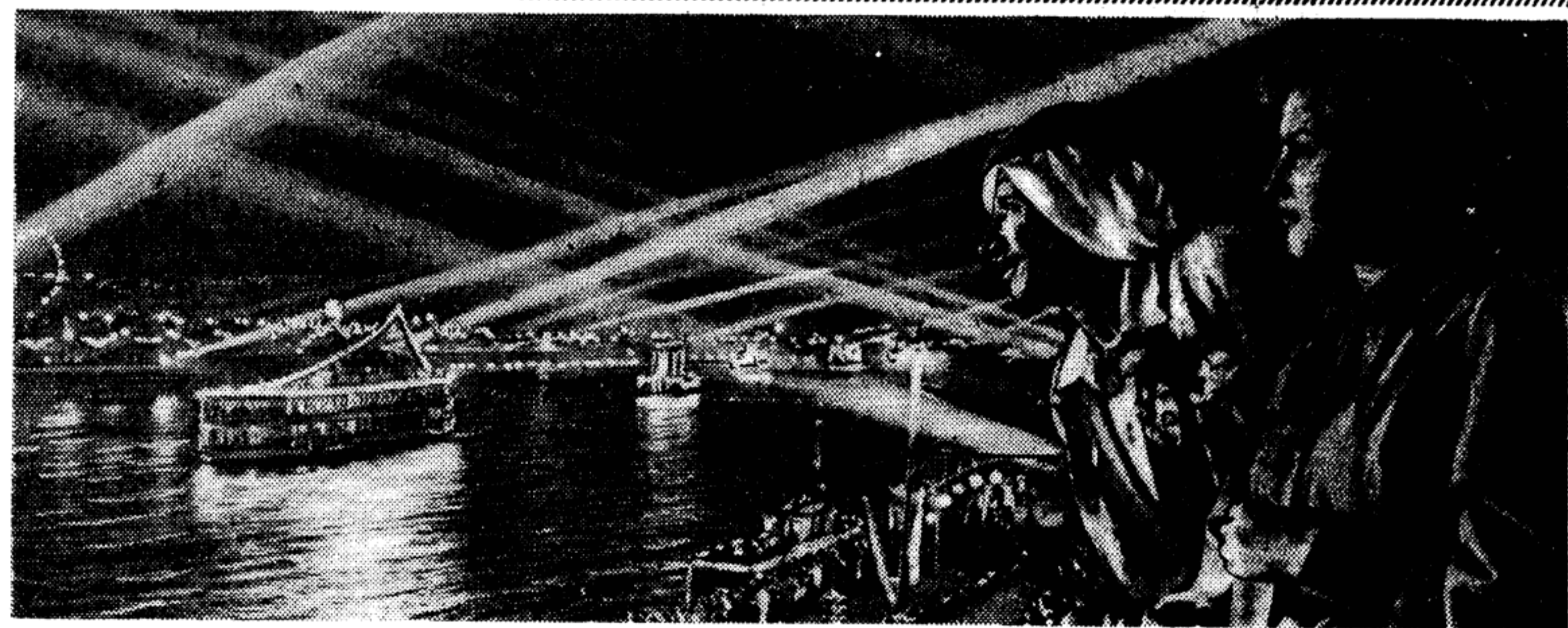
Обращение подписали:

- Джеймс Эндикотт — вице-председатель Всемирного Совета Мира (Канада).
- Николай Тихонов — председатель Советского комитета защиты мира.
- Деннис Притт — президент Английского комитета защиты мира.
- Илья Эренбург — писатель, вице-председатель Всемирного Совета Мира.
- Жак Дени — генеральный секретарь ВФДМ (Франция).
- Лючано Луццатто — общественный деятель Италии.
- Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай.

- Хорхе Саламеа Борда — писатель (Колумбия).
- Хан Сер Я — министр просвещения (Корея).
- Амарасингам — вице-президент Цейлонского совета мира.
- Иехия Хаммузах — член руководства Национального фронта Иордания.
- Ву — секретарь МДФЖ (Китай).
- Алексей Сурков — писатель (СССР).
- Серхио Рекабаррен — бывший министр, член Всемирного Совета Мира (Чили).

- Анатолий Софронов — писатель (СССР).
- Назым Хикмет — писатель (Турция).
- Хусейн Сейджан — член Всемирного Совета Мира (Ливан).
- Такахаси — общественный деятель (Япония).
- Мэри Притт — председатель Ассамблеи Английских женщин.
- Беатриса Джонсон — секретарь Всемирной федерации женщин.
- Радж Канур — киноартист (Индия).
- Николай Цяцця — академик (СССР).
- Аронски — общественная деятельница (Аргентина).

- Сергей Образцов — народный артист СССР.
- Любовь Космодемьянская — общественная деятельница (СССР).
- Игитберг Кюстер — журналистка (ФРГ), член президиума Западного Германского совета борцов за мир.
- Эми Сюо — писатель (Китай).
- Михаил Котов — член Всемирного Совета Мира, журналист (СССР).
- Алексей Маресьев — Герой Советского Союза.
- Зинаида Тагарина — зам. председателя Комитета советских женщин.

Как хорша вечерняя Москва-река, озаренная огнями чудесного карнавала на воде! Вместе любуются сказочной панорамой русская девушка и юноша из Ирана.

бусы с участниками концерта. До свидания, товарищи! — кричат москвичи. И в этом знакомом и родном окружении — мир, и дружба, мир и дружба навеки.

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

«открыли» для себя много чудесных произведений великого чешского композитора. Не сомневаемся, что и его оратория «Stabat mater» — прекрасная и в своей трагической скорби, и в затаенных лирических раздумьях — станет у нас одним из популярных сочинений.

Кантата «Сарнина Бурана» для солистов, хора и оркестра Карла Орфа — произведение, во всех отношениях замечательное. Прежде всего по своему редкостному музыкально-тематическому материалу: из барварского фольклорного сборника XII—XIII вв. Орф взял 25 текстов и мелодий старинных песен нищих и бродяг, беглых монахов и прочего бедного люда. О небыворной, «изменчивой, как луна», фортуна этих народных низов, об их презрении к попам и церквям, об их призрачном и горьком счастье повествует кантата.

Орф мастерски использует народные мотивы. Оставляя их почти нетронутыми, аскетически скупо гармонируя, он воссоздает исторический колорит эпохи; и вместе с тем его музыка звучит свежо, по-современному, волнует своей искренностью и поэтичностью, необычайно живой драматической экс-

прессией. Влияние Мусоргского на Орфа тут совершенно неоспоримо. Обе труднейшие партитуры — Дворжана и Орфа — были исполнены в концерте превосходно. Прежде всего в этом заслуга Б. Бабича — первоклассного музыканта, опытного и зрелого дирижера.

Бабич является художественным руководителем Академического студенческого хора Белградского университета. Это отличный коллектив, являющийся самодельным, справляется с ораторией Дворжана и кантатой Орфа не хуже (если не лучше!) много зарплата профессионального хора. Отметим также югославских солистов Софию Янкович, Бисерку Цвечич, Душана Цвечича, Александра Веселиновича и Душана Поповича.

Властный, энергичный, мужественный жест, горячий, но сдержанный темперамент, тонкий художественный вкус, глубокое, своеобразное постижение исполнительской музыки необычайно привлекательны в искусстве итальянского дирижера Франческо Мандера. Выступавшего в фестивальных концертах в Большом зале консерватории. Мандер исполнил две большие разно-

образные программы. В них была итальянская музыка, симфония Брамса и Франка, «Ночь на Лысой горе» Мусоргского, Рихард Штраус, Вагнер. Трудно отдать предпочтение какой-либо из исполненных вещей. Но особенно хочется нам отметить интерпретацию «Ночи на Лысой горе» — Мандер с искренней увлеченностью передает и фантастику, и драматизм этой музыки, протодушой народную лирику рассвета после ночного шабаша ведьм. Замечательно играли в этих концертах оркестр Большого театра и Государственный симфонический оркестр СССР.

Мы отмечаем эти фестивальные концерты не только потому, что они познакомили нас с новыми талантливыми артистами Югославии и Италии, не только за интересные, содержательные программы, но еще и потому, что Мусоргский, Вагнер, Дворжан, Брамс и Франк на этих вечерах сблизили и объединили молодежь всего мира и звуки их замечательной музыки вливались в одну общую и великую симфонию дружбы и единства, какой является VI Всемирный фестиваль в Москве.

МОСКВА

Встреча поколений

ПОСЛЕДНИЕ дни фестиваля. Клуб международных встреч. На сцене за зеленым столом советские писатели Николай Тихонов, Алексей Сурков, Илья Эренбург. Рядом — китайский поэт Эми Сюо, вице-председатель Всемирного Совета Мира Джеймс Эндикотт, Герой Советского Союза Алексей Маресьев, митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, лидер Федерации английских женщин Мэри Притт и многие другие. Чт и меня известным всему миру. А в притихшем зале — юноши и девушки, гости фестиваля. Они пришли сюда, чтобы встретиться с видными деятелями международного движения за мир.

С большим интересом встречает зал выступление Джеймса Эндикотта. Он кратко знакомит собравшихся с историей возникновения Всемирного Совета Мира, с характерными чертами движения за мир.

На трибуне Илья Эренбург. Он говорит о том, что его поколение и поколение участников фестиваля объединяет борьба за мир и дружбу между людьми разных стран.

Эренбург сменяет президент Английского комитета защиты мира Деннис Притт. Он зачитывает обращение присутствующих на встрече видных общественных деятелей ко всей молодежи пяти континентов. (Обращение публикуется в сегодняшнем номере «Литературной газеты»).

Закончилась торжествен-

под звуки горна мимо не отстроенных еще заново послевоенных домов. Родители с радостными и встревоженными лицами идут рядом с колонной. Прохожие останавливаются и глядят вслед. Когда это было? В 1946 году или в 1947-м? Где? В Минске или в Ростове-на-Дону? Или еще в каком-либо советском городе, разрушенном войной?

Вспомнилось прошлое на секунду и снова уступило место празднику. На сцене филлала Большого театра — белоснежные рубашки и красные галстуки пионеров. Праздничную увертюру Д. Шостаковича исполняет симфонический оркестр Цюрихской филармонии. Дирижер — лауреат Димитровской премии Влади Симеонов.

Умолкает аплодисменты. Женщина, сидящая рядом со мной в зрительном зале, говорит: — Счастье какое для молодежи!

И. ПОПОВА

Радостное

ИСКУСТВО

СВЕТЛАЯ и мощная мелодия наполняет зал. Кажется, что в ней звучат тысячи голосов фестивальной Москвы... И на мгновение встает перед глазами картина, как будто совсем не связанная с образом фестиваля: пионеры уезжают в лагерь. Худенькие ребята, в старательно отглаженных и залатанных матерчатых рубашках и платочках, проходят

го концерта болгарской делегации.

— Как замечательно поет Катя Попова, — говорят о болгарской артистке, лауреате Международных конкурсов, семнадцатилетние москвички Наташа Овчинникова и Наташа Паниникова. Говорят так, будто Катя Попова — подруга, которую они знают давно.

Делегаты разных стран дают высокую оценку мастерству участников концерта.

— Самодельный студенческий хор гор. София и хор девушек при избирательной комиссии «Славянская беседа» прекрасно организованы, хорошо обучены. Это возможно в Болгарии, потому что Болгария — социалистическая страна, — говорит японский студент Хейшун.

— Ничего подобного у нас нет, — говорит делегат из Чили Эрмен Валенсуэла Родригес.

Концерт заканчивается народными танцами в исполнении

ни сборного коллектива болгарских самодельных танцевальных групп. ...Сверкающие вышивки на сарафанах танцовщиц, золотые мониста на шеях. Ощущение горячего ветра и знойного солнца на сцене — и от этих ярких костюмов, и от захватывающего ритма танца.

Артистка балета Большого театра Валентина Болотова говорит: — Великолепны народные танцы Болгарии, которые мы увидели тут. Какие сложные ритмы и какая собранность, какая легкость. Кажется, что танец переходит в полет!

Кто-то из зрителей добавляет: — В народе говорят, что счастье крылато! Зрители провожают авто-

ФЕСТИВАЛЬНАЯ...

Симфония единства

ЧУДЕСНЫМ примером интернационального единства искусств явился симфонический концерт артистов Югославии. В программе его были произведения чешского классика Антонина Дворжана и современного немецкого композитора Карла Орфа, исполняемыми выступили югославские дирижер Богдан Бабич, югославские певцы, академический хор студентов Белградского университета и оркестр Московского Большого театра.

За последние 10—15 лет мы, можно сказать, наново

К пятидесятилетию со дня смерти

ка крепостничества в новой книге более глубока, более революционна.

Знакомство с русскими революционными демократами сыграло решающую роль в дальнейшей жизни Марко Вовчок. Она сближается с Герценом, Огаревым, Добролюбовым, становится одним из самых деятельных сотрудников «Современника»...

В своих произведениях этого периода, которые она пишет то на украинском, то на русском языке, повестях и романах «Ледяная», «Истуканка», «Жили да были три сестры», «Живая душа», «Занесены прищепки» и многих других Марко Вовчок захватывает самые различные стороны общественной жизни, оставаясь верной идеалам юности. Особое значение в произведениях Марко Вовчок 60—70-х годов имела ее беспощадная борьба с либерализмом.

Восемь лет писательница провела за границей, но не прерывала своих связей с родиной, с русскими и украинскими журналистами. Ее «Письма из Парижа» — первые художественные очерки в украинской литературе — показывают, как буржуазный парламентский строй привлекал Марко Вовчок так же мало, как и русская монархия.

С 80-х годов Марко Вовчок жила в разных городах нашей страны, продолжая свою литературную и общественную деятельность, которая, конечно, не могла протекать так активно, как раньше: сказывался возраст, болезни. Однако и в этот период она писала новые произведения, много переводила. С большим сочувствием старая писательница отнеслась к первой русской революции.

С 1906 года Марко Вовчок поселилась в Нальчике, где 10 августа 1907 года и закончилась ее жизнь. Произведения Марко Вовчок широко известны в нашей стране. В нынешнем году трехтомник писательницы выходит на русском языке в приложении к журналу «Дружба народов».

БЫВАЮТ писатели, которых выпадает счастливой долей «прорисоваться» знаменитыми после выхода их первой книги.

Это произошло с украинской писательницей Марко Вовчок (Марией Александровной Виллинской), когда в 1857 году появились ее «Народные оповидання».

«Народные рассказы» Марко Вовчок имели шумный успех среди передовой русской и украинской общественности. Т. Г. Шевченко посвятил автору специальную стихотворение, а позднее полярник «Кобзарь» с трогательной надписью, в которой назвал Марко Вовчок своей дочерью.

Вторая половина 50-х годов была временем блестящего расцвета русской литературы, когда одно за другим появлялись произведения Тургенева, Гончарова, Островского, Толстого, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, когда интенсивно работали Чернышевский, Добролюбов, Герцен, Писарев. Вспомнив об этом, не трудно понять, что молодому автору надо было обладать совершенно исключительными достоинствами, чтобы выдвинуться и быть замеченным на таком фоне. Марко Вовчок удалось не только это, — она была при-

КОЛОЧЕ СТРОКИ

«ЦЕ ЩОСЬ НЕ ТЕ, ЩО ТРЕБА...»

СТАРАЯ большевичка-писательница Татьяна Григорьевна Чоклер написала рассказ и послала его в альманах «Литературна Одеса».

Полученный ею ответ мы приводим полностью как документ чрезвычайно редкий, если не уникальный. Принадлежит он перу заместителя редактора альманаха С. Ковганюк, коему и следовало бы выдать патент на открытие совершенно новых истин в области литературы.

«Ваш рассказ «Побег», — сообщает С. Ковганюк, — при несомненных литературных достоинствах все же не производит глубокого впечатления. Я пытался разобраться в этом и пришел к выводу (для себя, конечно), что повинно в этом — время. Литература всегда отображала смысл, пафос, уважение, героизм и вообще всеяческие качества своего времени, а ваш

рассказ отображает одно из качеств давно прошедшего и пережитого нашим советским обществом времени. В период развращения культуры личности и его последствий, в период разрешения многих волнующих проблем тема гражданской войны нас уже не волнует.

Есть правда, один жанр литературы, который всегда останется любимым в обществе — это исторический роман. Но это — другое дело. Широкое историческое полотно всегда каким-то образом переключается с современностью, дает читателю пищу для выводов и сопоставлений. Отдельно же взятый рассказ из прошлого как-то тонет в насущных нуждах сегодняшнего дня и кажется даже таким анахронизмом, каким оказался бы герой гражданской войны, вздумавший сегодня всерьез пройтись в своей кожанке, перепоясанной крест-накрест пулеметной лентой, по нашим учреждениям и предприятиям, люди которых заняты выполнением новых планов и волнующими последними известиями о событиях в Египте.

Возможно, мнение мое субъективно, ошибочно, но оно — искренно.

С уважением С. КОВГАНЮК.

Ежели это остро, то весьма плоская и неумная. Однако у нас есть все основания заключить, что сказанное С. Ковганюком о сказанном Татьяне Григорьевне Чоклер. И нам, погруженным в грустные размышления по поводу его переписки с авторами, хотелось бы повторить эту классическую фразу... ЛИТЕРАТОР

Мы хорошо знали Виктора Полторацкого как очеркиста. За последние время все чаще на страницах периодики стали появляться его стихи. И вот перед нами поэтический сборник, выпущенный в Иванове.

«Родное» — этот заголовок можно было бы поставить над любым из стихотворений, правдиво и с душой повествующих о наших людях, об их больших судьбах, о красоте русской природы с бескрайними просторами, смолотым теплом соснового бора, ароматом весенних садов...

Величие советского народа поэт видит прежде всего в его свершениях, в его героическом прошлом, в сознательном труде (стихотворения «Строители», «Доброе утро», «В ситцепечатной» и другие). Он хорошо знает, как нелегко был подвиг народный: «Россия — наш соленый пот, наш труд и хлеб»...

В преобретении трудностей, в больших победах советских людей черпает поэт и силу, и уверенность, и вдохновение. Здесь исток его горячего оптимизма. Чист и радостен его взгляд на жизнь. Всей направленностью своей поэзии В. Полторацкий как бы дает отпор тем литературным обывателям, скептикам и аполонетам уныния, с которыми нам за последнее время пришлось встречаться на страницах журналов и альманахов.

Есть у него одно небольшое стихотворение — «В пути». Читая отточенные, глубоко прочувствованные строки, невольно вспоминаешь другое стихотворение другого поэта — «Утро» Р. Рождественского («Литературная Москва», сборник первый). Оба они написаны на одну тему — о том, как наша молодая страна пробивалась к ясному свету социализма. На одну тему, но какие это разные стихи — разное мироощущение, разные выводы! Исполненная тонкой аллегорией «Утра» утверждает, что «ночь», как воплощение зла, подчинила себе людей. Для Полторацкого «тыма» — это тяжелые испытания, встречающиеся нам не раз на пути, тяготы, которые мы неизменно преодолевали, ни на минуту не утратив веры в истинность и силу своих идеалов, своих целей.

Нет, нас влекли иные дали. К ним немеркнувшим огням. И не затем мы клялись дали Солдатской стойкости друзьям, Чтоб малодушно отступить, Свернуть с пути на волчий след, Великой правдой поступиться, Нарушить верности завет...

А как не похож образ любимой, образ милой и чистой девушки, к которой обращены сердечные слова лирических стихов В. Полторацкого, скажем, на портрет вулгарной, разбитой девицы, воспеваемой молодым поэтом Е. Евтушенко в журнале «Октябрь» (та, которая «вдруг такое завернет, что даже парни кричат!»).

Надолго западают в память искренние, полные сдержанного чувства стихи В. Полторацкого о юности, о любви, о верности — такие, как «Голый ветер в лицо», «По первой свежести рассвета», «Года уходит», «Форточку настезь!».

Вечер зовет тебя своим взглядом, Ветер ласкает тебя и тревожит. Вот оно, милое счастье, — рядом. Форточку настезь, и сердце — тоже.

Красочна образная палитра поэта. В стихах про «Владимирку», которую до рогу, под ногами острую, броскую деталь: «Над ней чахоточные зори...». В трагическом стихотворении «Боммуары» он пишет о том, как «черное небо заплакало в каменные подушки».

Широта взгляда поэта, а вместе с тем и широта его поэтического диапазона по особому проявились в стихах, воспевавших братство трудящихся всего мира (в цикле «О мире и войне»). Своеобразна, примечательна и по художественным средствам, и по своей идейной выразительности «Баллада о светлом берегу», повествующая о том, как жадно тянутся к светлым советским берегам все угнетенные народы.

Поэтическая книга В. Полторацкого найдут своего благодарного читателя. Лучшие ее стихи не могут не вызвать отклики у тех, кто, под стать герою этих стихов, молодо и свежо воспринимает каждый новый день, вставший над Родиной, кто смотрит в завтра уверенно, полный самых светлых надежд.

В. Полторацкий. «Доброе утро». Стихи разных лет. Ивановское книжное издательство, 1957.

Ну не полвека ли с тех пор? А времени наперекор, Сквозь вихри дней кипящих, Я вижу: он вошел во двор, Стеколыщик, несший ящик.

И ящик стеклом, стар и хром, Нес на плече он так двором, Как будто утру мая Жар-птицы искристым крылом Помахивал, шагая.

И не узнал я сам себя: Мальчишка с видом воробья, Вдруг от сверканья стекол

Из серости житья-бытья Я глянул в мир, как сокол.

Со стеклами светлей светил Явившись, хоть и хром и хил, Волшебником беспорным, Старик весь дух мой захватил Сверканьем чудотворным.

Во всем, чем жив я как поэт, Чем смолду мой стих согрет, И в этом чувстве стольких лет К тебе, моя родная, Не тот ли чудотворный свет Горит, не угасая?

НАТалья СОКОЛОВА В ПЕРВЫХ КНИГАХ

С КАКИМ-ТО праздничным чувством снимаешь с полки первые книги «Дона» — нового «столетого» ежемесячного журнала, объединяющего вокруг себя писателей Юга Российской Федерации. Книги в яркой обложке за несколько месяцев успели уже стать для подписчиков привычно знакомыми.

Первое, что бросается в глаза в журнале «Дон», — полнота интересов, широкий кругозор. Да, писатели Юга любят свой родной край, им дорого и его прошлое, и его настоящее. Но «Дон» вместе с тем вовсе не замыкается в рамках «местной тематики», не страдает какой-то «областной» ограниченностью. Рядом с разделом «У нас на Юге» мы видим в журнале столь же полноценный раздел «За рубежом», где печатаются путевые заметки советских людей, посетивших Норвегию, Францию, Италию. Наряду с отрывком из романа Дмитрия Петрова (Бирюка) «Вешний гром», посвященного гражданской войне на Дону, журнал помещает неизвестный широкому читателю отрывок из ранней повести А. А. Фадеева — «Хунхузы», где рисуются события революционных лет на Дальнем Востоке. По соседству с новыми главами из «Поднятой целины» М. Шолохова вы можете прочитать киноповесть польского писателя Александра Сцибор-Рыльского о молодом рабочем или блестящий, полный большого социального смысла рассказ Андри Барбюса «Чужие».

РАБОТА, проделанная редколлегией и писателями Юга, не может не вызвать уважения. Но уважать — не значит деть лифчики; наоборот, уважение к другу предисказывает, чтобы мы не замалчивали его недостатки. Прочтав, напечатанную в первых книгах «Дона», неравноценна. Слабы, в частности, некоторые рассказы.

Мельком, несомненно получившись у Г. Гасенко его («Счастливое утро»), схематичен рассказ «Ясная осень» Николая Козлова. Надуманной и наивной оказалась в изложении Иосифа Юрчица история о том, как «тихий» репортёр совершил в своей газетной жизни «зевок» — не упомянул имени героя, спасшего ребенка из пламени пожара... потому что этим героем был он сам. От рассказчиков «Дона» можно было ожидать большего. Перед молодым журналом стоит благородная задача поднятия на своих страницах культуру рассказа.

Рассказ Леонида Пасенюка «Катя» содержит больше других, да и написан лучше. Привлекательны его героиня — подобная на стройную Катю, девушку гордая и сдержанная. Запоминается ее подружка, «дикая» Зина. Но кое о чем хочется и поспорить с автором. В рассказе есть очень существенный момент — Катя, которая потянулась было к Матвее, «культурному парню», любителю книг, очень

«Дон». Литературно-художественный и общественно-политический журнал. Орган Ростовского областного отделения Союза писателей СССР.

Проза журнала «Дон»

быстро разочаровывается в показной культурности Матвея, перестает его. Для того чтобы мы вместе с Катей (и с автором) разочаровались в Матвее, мы должны увидеть его в действии, узнать о его отрицательных качествах не только со слов писателя. Между тем Л. Пасенюк здесь прибегает к скороговорке: «Она распознала явную бесхарактерность Матвея и даже его трусливость, он отказался, например, заступиться за Зину, к которой продолжал прилипать прораб»... Мимолетом брошенная фраза, — и только! Если автор постарается глубже раскрыть характер Матвея, то от этого выиграет его интересный рассказ, выиграет и героиня.

В мартовской книге журнала напечатана «Гайна одной находки» — фантастическая повесть Вл. Карленко. Мне думается, в принципе нельзя не приветствовать стремление «Дона» к многообразию литературных жанров, его обращение к научной фантастике, которую у нас «столетые» журналы третьюют свысока, объявляя ее чуть ли не «вне закона», — и совершенно напрасно! Повесть написана живо, с интересом читателю о том, как два советских геолога, скитаясь в горах Тибета, искали таинственный цилиндр метеоритного происхождения, похищенный авантюристом Джонсоном. Правда, в конце тугая пружина сюжета ослабевает, и заключительная часть — просмотр «кинодокумента из Вселенной», находящегося в пещере, — кажется не очень убедительной, ха, пожалуй, и банальной, как будто уже где-то читанной.

Небольшая по объему повесть Вл. Моностырева «Люди в горах» — об изысканиях дорог в джунглях — привлекает прежде всего тем, что автор стремится изображать действительность с присущими ей противоречиями, не стесняясь широкостью, не упрощая людей и событий. Да, старый исследователь Тит Палыт грешен по части «заюгов», может в горушку минуту продать чужую «куфайку», чтобы разжиться четвертинкой, но это оттого, что старика ушибли недоверием те, для которых анкета важнее человека. Пригласившись к нему повнимательнее, главный инженер Николай Колесов видит отличного специалиста, смеюлого и талантливого изыскателя, всей душой преданного работе, и уже стыдится своего «административного разка», тех крутых мер, которые он на первых порах хотел применить к старику. А вот «полюбовительный» Шевякин, на которого Колесов хотел опереться, по первому впечатлению добрый товарищ, оказывается ханжой, карьеристом, трусливым и нечестным перестраховщиком.

Серьезным достоинством повести является то, что Вл. Моностырев сумел ввести читателя в «творческую лабораторию» инженера, проектирующего лесные

дороги: глава, где Колесов, бродя по лесу, отвергает одну трассу (высокую и узкую, если можно так выразиться, благонамеренную) и останавливается на новой, «дерзком» варианте, написана с увлечением и достоверно передает поэзию изыскательского труда.

У Вл. Моностырева есть хорошее чувство детали, для него характерно тяготение к психологическому письму, к внутреннему монологу. В упрек писателю следует поставить, во-первых, некоторую искусственность отношений Колесова с его далекой возлюбленной Девой, характер которой недостаточно выявлен, и, во-вторых, неожиданно быструю, облетенную развязку острого конфликта в финале повествования.

ИНТЕРЕСНЫЕ жизненные наблюдения, хотя порой слишком отрывочные, найдет читатель в большом очерке «Записки депутата» Валентины Козловой. Работа депутата районного Совета редко привлекает внимание писателя-очеркиста, а между тем это еще так близко к жизни народной, сталкивается с самыми насущными, наиболее важными проблемами. В Козлова пишет о трудностях этой работы, не угаивает сомнений и огорчений, которые на первых порах переживала ее героиня, молодая работница, впервые избранная депутатом. Удачны такие главы, как «Примный день», «Разговор по душам», «Судьба одного заялечения», где Ката разоблачает темные махинации семьи спекулянтов.

Жаль, что в очерках, напечатанных в разделе «У нас на Юге», далеко не всегда чувствуется забота о форме, мало в них истинно писательского видения мира.

«Край несметных богатств» В. Попова — это сухо написанная справка. Александр Бахарев в своем очерке «В степи за Маньчжем» не пошел дальше отдельных частных наблюдений, ему не удалось выписать живой запоминающийся характер секретаря райкома Иваненко, связанного рассказом о его делах.

Хорошо, что журнал звал постоянный отдел «Спортная жизнь». С интересом читаются «Поездка в Мельбурн» заслуженного мастера спорта Льва Мухина и непринужденно написанные записки альпиниста Ю. Бурлакова «Восхождение на Ушбу».

НАША периодика обогатилась. Печенное, литературный уровень материалов, напечатанных в журнале «Дон», значительно выше того, что могли дать читателю альманахи, выходящие от случая к случаю. Журнал — это беспорный шаг вперед по сравнению с альманахами. Хотелось, чтобы здесь появилась крупная проза на сегодняшний, советском материале, посвященная значительным проблемам и крупным характерам наших современников. «Дон» надо всемерно помогать, чтобы окреп и утвердился. Но уже сегодня журнал выходит на широкую литературную дорогу. Пожелаем же ему доброго пути!

Ю. Бурлаков. «Восхождение на Ушбу».

Хорошая злость, браток, копи, в сердце крени. Душа правдой живет, а сердце — отныне. Только пуше всего его берет над, чтоб не перегорело... Вон Кувалдин... видишь, как ползает дрынет перед боевой работой!

Бабякин застал, как тронутый умом, и Юрка назалось, что он спорит от какой-то неугасимой тоски. Срывающимся голосом Юрка обижено крикнул: — Когда товарищ Бабякин рассказывал... я дрожал весь... А Кувалдин в этот момент сопел, как баров... Я этого понять не могу. Сутулов поучительно разъяснил: — У тебя, милзачок, сердчишко еще не обмозжено. А Кувалдин мужик ровный: его страхом не расстрожишь. Переключи. Ему драть надо с врагом, а работа эта, корешок, трудная.

Он вздохнул, свернулся калачиком и, как поназалося Юрке, уныло, пожевывая, засыпая, он бормотал добродушно: — Мне забавнее больше, чем генералу: раньше всех встретены, всех накормить, все части обслужить, никого не забыть... Прикорни-на рядом со мной, друг Бабякин! Да и ты, Юрий Милославский, угомонись!

Но Юрка мурло поносился на Сутулова и подсел ближе к Бабякину. А Бабякин неподвижно смотрел на мутные зарева и на мерцающие звезды. Казалось, что он сам забылся в дремоте, обхватив руками колени.

— Вот они... спят... успокоились... Он кивнул в сторону Юрка, которые храпели всюду по двору... Может быть, завтра черт знает что будет... и многие из них погибнут... А им и горя мало. Они — дома, в своих частях, родные ружья защищают... плечо в плечо, локоть к локтю. А позادي у них — Россия.

Бабякин говорил тихо, раздумчиво, как будто сам с собой. Но при последних словах раза два толкнул своим локтем в плечо Юрки, и Юрка было приятно, что этот самый пострадавший человек разговаривает с ним, как с равным.

— Я вот верю, товарищ Бабякин, — горячо подхватил Юрка. — Здорово верю, что врагом от нас живыми не уйти. Бабякин опять протестовал, покашливая, и зачался вперед и назад.

— Вот это самое!.. Это ты точно... хоть и мальчишкой. Да ведь горе-то и делай старит. А вот сейчас и ты поймешь, как мука делят людей сильнее себя... Он помолчал, вздохнул и закачался вперед и назад... Привели нас в лес, на поляну, и загнали за колючую проволоку. А там уж полно было людей — как стадо, впритычку друг к другу. Кто лежит, кто стоит, кто сидит, а то и кучами один на другом. Вой, бред, стоны, рыдания. Все голые, босые, грязные, страшные. Куда мы попали? Но всему мы на войне привыкли, всякие виды видали, всего натренились. А тут жарко, надо сказать, духом упали. Проволока шла в несколько рядов, кругом вышки с автоматчиками. Посередине длинный дощатый барак. И в нем было полно народу, и везде за проволокой, вся площадь людьми

усыпана. И такой смрад, такое удуше, что замутило от тошноты... Встретили нас, свежених по-разному: одни — как слепые и немые, другие бросились со словами: «Товарищ, пропали мы все!». А третий, как безумный, хрипел: «Бежать надо! Выбраться из этого ада ценой жизни!». И верно: тысячи нас тут были — повернуться негде, и все мы должны были подохнуть или от голода и болезни, или от палок и плетей, или от ихних пуль. И вдруг — великое волнение и сумятица поднялись: вылезли в ворота грузики, а на грузовике немцы с автоматками. Стоят, смотрят на нас и зубы сжатые. Потом начали они в разные стороны бросать мусорные хвосты. Это тут совершалось — сказать невозможно... Отнулись — двинуться не могу. И вот вижу, люди принимаются к земле, начинают зарываться в нее хотая. Крики, стоны, вой ладят. Ное-как поднял голову и вижу: немцы молотят палками и прикладами людей. Потом начал стрелять из автоматов. И тут такой ужас меня охватил, что я ума лишился...

БАБЯКИН ЗАМОЛЧАЛ, медленно покачиваясь потом лег набок, опираясь на локоть. Молчал он долго, и Юрка показало, что он задумался. За ним лежал и храпел Кувалдин. По всему двору тяжело дышало и похрапывало множество людей. В ночном полумраке, тревожном от непотухающего зарева близких и далеких пожаров, не было видно людей, а только чувствовалась живая земля. И Юрка думал, что все эти люди на рассвете вскопач на ноги, схватят винтовки, построятся в ряды и погубят туда, где сидят в окопах вражеские солдаты, и опять начнется грохот орудий, разрывы снарядов, треск пулеметов и свист пуль. Многие, может быть, завтра уже останутся лежать навсегда в лесу и в поле. Вот и он, Бабякин, и этот Кувалдин, может быть, отдадут в последний раз, а может быть, и он, Юрка, тоже в последний раз видит это багровое небо и прозрачно мерцающие звезды. Нет, с ним этого не может быть: он всем существом верит, что он будет жив и много еще ему придется испытать, участвовать в боях и гнать врагов от нас назад.

А все-таки убежали же вы от этих живо-резов... И Юрка живо представил себе измученных бойцов концлагере, умирающих от голода и жажды, от тифозных ран, от немецких палок и пуль. Выдержал бы он сам или умер от побоев и голода? Выдержал бы, там же, как и Бабякин, он перенес бы все муче, но нашел бы и день, и случай вырваться на свободу. В эти минуты Бабякин вдруг выпрос перед ним, в эти минуты и вдруг стал до боли близким и родным. Он и удивлялся его силе и выносливости, и страдал вместе с ним.

(Окончание на 4-й стр.)

Кадр из фильма «Король в Нью-Йорке»: в центре — король Шехдос (Чарли Чаплин), справа — мисс Кэй (актриса Доун Адамс).

„КОРОЛЬ В НЬЮ-ЙОРКЕ“

И в отчизне обновленной Люди новые растут. (Из Гимна Германской Демократической Республики).

ЧЕТВЕРТЬ века назад я покинул Германию. Я пробыл там полтора года, ходил по улицам ее городов, разговаривал с рабочими и торговцами, учеными и крестьянами, сидел в университетских библиотеках и завтракал в кафе. Каждый день обогащал меня целым ворохом впечатлений: радостных и пугающих, заставляющих и сочувствующих, и задумывающих, и злитесь. Я много и старательно рассуждал, пытаясь понять эту страну, ее людей, ее будущую судьбу. Но только сейчас, спустя четверть века, еще раз проанализировав то сложное чувство, которое влекло меня к границе, я понимаю, что в нем было главным, — тревожное, беспокоящее желание вернуться сюда еще раз и увидеть эту землю и этих людей другими. Таими, какими они должны были бы выглядеть, если бы в этой стране не было ни монополюстов, ни голода, ни безработицы и очереди за бесплатным супом, ни ветхой неуверенности в завтрашнем дне, ни крикливого, полупомешанного мещанина в зеленом мундире, обещающего свободу, работу, хлеб, умалчивая при этом, что платой послужит не только душа, но и тело.

И вот я снова в Германии. Близ вокзала по тем же улицам, и мне навстречу улыбаются те же лица, что и четверть века тому назад. Прилизанным молодым людям и химическим блондинкам на огромных щитах так же неинтересно рекламировать вубную пасту и подтяжки, как и во времена оно. Но вот прохладит часы и дни. И каждый шаг, каждая фраза разговора невольно заставляет вспомнить прошлое — это восторжен, и сопоставив его с настоящим, подивиться различию их — это во-вторых.

Облавления в библиотеке электротехнического завода «Эльбетальверк» в маленьком городке Гайденау близ Дрездена, приглашали на то, что у нас называется «читательской конференцией». Перед семьями рабочих должен был выступить автор отличной книги о путешествии в джунгли Амазонки Эрих Вустман. Он должен был показать снятые им там любительские фильмы и поведать о жизни далеких индейских племен. И тут я вспомнил, как четверть века назад слоны и вошки должны были уступить часть территории берлинского зверинца... людям. В конусообразной хижине, окруженной дыбомышными беринцами, поместилась семья чернокожих. И артурированные экскурсоводы, бастая читателями из восторженных «геополитиков», легко оперируя статистическими данными и цифрами антропологических измерений, — точность всегда была сильным местом немецких экскурсоводов, — объясняли просвещенной публике, что она видит перед собой типичных представителей низшей расы, обращали ее внимание на различные простым глазом «комплексные неполноценности». Люди глазеи, и кое-кого распырлада гордость злого ребенка, радующегося, что потерял игрушку не он, а его приятель.

Вот кому суждено нести бремя неравенства на земле, думал не один лавочник. За их счет и за счет миллионов других черных и желтых, скуластых и косоглазых, славян и монголов, жителей романских стран и азиатов буду хорошо жить я, отмеченный судьбой белокурый сын высшей расы.

Четверть века спустя в доме культуры завода «Эльбетальверк» семьсот человек, затаив дыхание, слушают горестный рассказ писателя Вустмана о судьбе индейцев, их угнетении и их лишениях, их светлом уме и врожденном чувстве справедливости, их естественной гордости и любви к свободе. И семьсот человек аплодируют не только смелому исследователю и писателю Эриху Вустману, — они аплодируют далекому, неизвестному индейцу за то, что те — хорошие люди и их не стыдно называть братьями.

«Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, кто ты», — утверждает старая пословица. Германия 30-х годов читала очень мало. Те, кто был охот до чтения, не могли позволить себе такую роскошь. Приходилось тратить все время на поиски работы. А те, у кого была возможность читать, жгли книги, заклеивая ярлыком «антинациональной литературы». Жгли их за «марксистские мысли», за «антиевропейский дух», за — это было одним из самых страшных обвинений... — за «гуманизм».

Что читает Германская Демократическая Республика? В пресловутой библиотеке «Эльбетальверк» — немецкие классики, Маркс, Энгельс, Ленин, французский, итальянский, китайский писатели, Макаренко, Фадеев, Федин и, разумеется, Горький... Никто не может превзойти в популярности основоположника социалистического реализма. Видно, крепко пришел он по сердцу рабочим этого завода. А вот вызывающее чуть-чуть ироническую улыбку название — «Властители лесов»: уж не старый ли, добрый «индейский» роман перед нами? Нет. Я читаю фамилию автора, и мне становится стыдно за мимолетную иронию. Давид Барказе. Ну конечно же, это «Кровью героев», вот и подзаголовок — «Записки партизана».

Среди множества газет — органов всех демократических партий, дружно строящих новую жизнь в стране, мы увидели газету, которую не встретишь, пожалуй, ни в одной библиотеке, кроме этой заводской. Это многоязычная газета — «Мотор». Немские рабочие не повички в теле прессы. У них за плечами более чем полувековой опыт нелегального, полулегального и иного рода легального выпуска книг, брошюр, газет, листовок. И «Мотор», с точки зрения оформления, бумаги, печати, не хуже иной национальной республиканской газеты. Что же волнует сейчас рабочих завода? В газете — и статьи о соревнованиях, и заметки о лучших бригадах, таких, как «Бригада имени Томаса Мюнцера».

Здесь и статьи о предстоящих выборах народных представителей, и портрет лучшего повара предприятия Александра Грюна. Я помню, как словно становилось ниже ростом и тусклее немецкие рабочие при виде десятилетия или мастера, как сдерживали они широту свободного жеста

и опускали глаза. Может быть, из всех людей, находившихся в просторных цехах «Эльбетальверк», я был единственным человеком, кто помнил об этом. Остальные давно забыли о сословных и классовых границах, о времени, когда рабочий не осмелился бы прикурить у мастера, ибо это было бы сочтено из ряда вон выходящим нахальством... О, где же ты, выкованная веками и исчезнувшая за десять лет субординация, чиннопреклонение, чувство строго служебного ранжира?! Рабочие шутили с мастером, непринужденно перебарывались репликаками с коммерческим директором предприятия.

Память выбирает из прошлого еще одну картину, вернее, — серию картин. Роскошные, сверкающие магазины, полные товаров и не заполненные покупателями даже в самой неназачительной степени. Оленьи, бычьи, свиные туши в глубине мясных лавок... Торты-валянки, блеск фольги на горныхках бутылочек... Рестораны, огромные, как аэродромные ангары, где столько хрустала и накрахмаленного столового белья, что не сразу разглядишь редкого посетителя. А рядом — безработные приходят на собрание и получают от товарища, которому почастаивались потрудиться несколько часов в неделю, подарок — бутерброд... Пиджаки, сменившие на своем долгом веку не одного хозяина: заплаты, шипока, бахрома на рукавах... Сложнейшие расчеты, как саксонский один-два брикета угля... Я вспоминаю обо всем этом, когда узнаю нынче, что дети рабочих завода находятся в пионерском лагере, за пребывающим в котором родители платят 4 марки в неделю — примерно четырехчасовой заработок самого низкооплачиваемого рабочего. Остальные оплачивают профсоюз и предприятие. Вспоминаю и тогда, когда узнаю, что цех ширпотреба завода выпустил 10 тысяч стиральных машин и находится буквально в осаде торгующих организаций. Покупательная способность населения выше, чем возможности промышленности. В переводе со специального языка экономистов это значит, что зарплата, уровень жизни, возможности удовлетворить свои запросы растут быстрее, чем производство. И далее, что налицо все стимулы для дальнейшего роста производства.

Я вспоминаю о вхождении в течение десятилетий в жизнь Германии понятия «нежелательный иностранец». Ни работы, ни хлеба не хватало самим. Поэтому так легко было натравливать народ на каждого пришельца. Уже выросло поколение, для которого «нежелательный иностранец» является таким термином, что его приходится разыскивать в справочнике.

В полукоридоре Бад-Шандау мы расположились в гостинице, неподалеку от дома отдыха шахтеров «Висмуттайм». Мы заняли холл, где находились радиоприемник, и наслаждались музыкой. За стеной послышались шаги. Трое рабочих из дома отдыха — двое юношей и девушка — пришли потанцевать, но в холле были чужие люди, и они не знали, как поступить. Мы почувствовали: молодежь прислушивается к нашим голосам, пытаясь определить,

кто мы такие. И вдруг раздалось радостное: «Да это же русский! Идем к ним». Мне, бышему «нежелательному иностранцу» (хотя я и не искал в догитлеровской Германии ни работы, ни хлеба, неприязненное, подозрительное отношение к «чужакам» часто делало меня), мне было особенно радостно чувствовать, что сердце народа открывается для каждого, кто приходит к нему с мыслями о дружбе.

В школе в Саксонской Швейцарии мы беседовали с мальчиками, заставившими потом к нам в гости. Их интересовало все, что объединяет нас: «А как у вас?» И они готовы были часами объяснять: «А вот как у нас!» Это — поколение детей со спокойными глазами и счастливой уверенностью в том, что на их жизненном пути не будет войны. Этим детям хотелось больше знать о могучем, дружественном соседе. Недаром с таким интересом шли разговоры о Пушкине, в частности о «Дубровском», которого как раз проходили в их классе. Учить русский язык нелегко, но немецкие школьники издана славятся старательностью. И совсем здорово получается у них, несмотря на то, что в немецком отсутствует звук «ж», слово «дружба». Должно быть, оттого это, что часто приходится слышать его вокруг. Самая массовая организация республики — это Общество германско-советской дружбы. Именем дружбы названы кооперативы, о дружбе сложены песни.

Мы вспоминаем о вхождении в течение десятилетий в жизнь Германии понятия «нежелательный иностранец». Ни работы, ни хлеба не хватало самим. Поэтому так легко было натравливать народ на каждого пришельца. Уже выросло поколение, для которого «нежелательный иностранец» является таким термином, что его приходится разыскивать в справочнике.

В полукоридоре Бад-Шандау мы расположились в гостинице, неподалеку от дома отдыха шахтеров «Висмуттайм». Мы заняли холл, где находились радиоприемник, и наслаждались музыкой. За стеной послышались шаги. Трое рабочих из дома отдыха — двое юношей и девушка — пришли потанцевать, но в холле были чужие люди, и они не знали, как поступить. Мы почувствовали: молодежь прислушивается к нашим голосам, пытаясь определить,

кто мы такие. И вдруг раздалось радостное: «Да это же русский! Идем к ним». Мне, бышему «нежелательному иностранцу» (хотя я и не искал в догитлеровской Германии ни работы, ни хлеба, неприязненное, подозрительное отношение к «чужакам» часто делало меня), мне было особенно радостно чувствовать, что сердце народа открывается для каждого, кто приходит к нему с мыслями о дружбе.

В школе в Саксонской Швейцарии мы беседовали с мальчиками, заставившими потом к нам в гости. Их интересовало все, что объединяет нас: «А как у вас?» И они готовы были часами объяснять: «А вот как у нас!» Это — поколение детей со спокойными глазами и счастливой уверенностью в том, что на их жизненном пути не будет войны. Этим детям хотелось больше знать о могучем, дружественном соседе. Недаром с таким интересом шли разговоры о Пушкине, в частности о «Дубровском», которого как раз проходили в их классе. Учить русский язык нелегко, но немецкие школьники издана славятся старательностью. И совсем здорово получается у них, несмотря на то, что в немецком отсутствует звук «ж», слово «дружба». Должно быть, оттого это, что часто приходится слышать его вокруг. Самая массовая организация республики — это Общество германско-советской дружбы. Именем дружбы названы кооперативы, о дружбе сложены песни.

Стремлясь познакомиться с жизнью США, король посещает Нью-Йорк, ночные клубы на Бродвее, но его удивляет царящий там шум, и такое времяпрепровождение кажется ему совершенно нелепым. Группа молодежи, которая выходит из кино, отплевывая рок-н-ролл, чуть не валит с ног короля и его посла.

При посещении школы, где преподавание строится на прогрессивных принципах, король знакомится с мальчугоном-вундеркиндом и проникается к нему большой симпатией. Родителей мальчика (его играет десятилетний сын Чаплина Майкл) вызывает комиссия по расследованию антимарксистской деятельности и предостерегает об обвинении в принадлежности к коммунистам. Мальчик в поисках помощи находит отца своего нового друга. В апартаментах короля три ученых мужа — члены комиссии по атомной энергии — ожидают хозяина; мальчик рассказывает им историю своей жизни и преподносит полезный урок, разъясняя, что такое американская демократия. Позже король Шехдос слышит радиопередачу, в которой утверждается, что он — коммунист; в панике король принимает за шпиона безобидного «кохтиника за автографами».

Предложенный им проект использования атомной энергии отвергнут. Король разочарован и унын. Его вызывает комиссия по расследованию антимарксистской деятельности. Король начинает понимать, что ничто не связывает его с Америкой, куда он стремился с таким восторгом, на которую возлагал такие большие надежды. Он решает вернуться в Европу.

Фильм снимался в Лондоне оператором Джорджем Перильем. С тех пор, как Перилье снял в 1913 году свой первый фильм, он участвовал в создании многих кинокартин. Съемки

продолжались три месяца; на монтаж потребовалось еще три месяца. Музыка фильма написана Чаплином. Все участники съёмочной группы говорят о том, как поучительно для них работа с Чаплином. Исполнительница главной роли Доун Адамс — англичанка — заявила: Самое главное — это то, что он научил меня раскрыть средствами киноэкрана собственную индивидуальность. «Скажите это так, как сказала бы Доун», — говорил он мне. Чаплин верит в простоту. «Добейся», — это его излюбленное слово.

Чаплин уподобляется дирижеру, управляющему оркестром. Вель рукавья съемкой, он хранит в памяти всю партитуру. Порой Чаплином овладевает желание самому сыграть партию саксофона или скрипки, чтоб дать верный тон тому или иному из исполнителей. У него столь совершенное музыкальное чутье, что каждая сцена фильма имеет для него свою особую тональность. Он следит, чтобы ни на

секунду не исчезла главная музыкальная тема. Многие спрашивают, будет ли этот фильм демонстрироваться в США. Пока неясно, что не определены планы, но Чаплин не рассчитывает на американский рынок. «Конечно, это сатира», — говорит о своем фильме Чаплин. «Все мои фильмы сатиричны; клоун должен высмеивать. В этой картине находят отражение наш атомный век, наша современная цивилизация — телевизионные, рок-н-ролл, современные методы рекламы (не только в США, но и в других странах), и, конечно, политическая история, столь характерная для нашего времени...»

Таким образом, фильм этот — первый фильм, снятый Чаплином за пределами США, — целиком посвящен Америке.

Элла ВИНТЕР, английская журналистка ЛОНДОН

ПОПИК НА ЗАБОРЕ

ВЕРоятно, все мы уже достаточно слышали о восторгах в ранней юности лезли через забор, что меня задержали в день открытия фестиваля. Но беда заключалась в том, что я не знал названия завода. Меня попросили узнать. Я снова отправился в этот район, вывески на заводе не обнаружил, а поэтому и вынужден был заснять это предприятие, хотя бы его внешний вид. Это будет интересно и моим родителям в США.

Несомненно, папе и маме Станли Мумфорд будет очень интересно узнать, где побывал их сынок. Их заранее предупредил госдепартамент, что отпустить сына не стоит, что русские не очень гостеприимны. Горе, горе: оправдился его предсказание — сын задержан, испуган и испуган, и у него даже отняли дорожную американскую пенку...

Впрочем, за плену Станли не беспокоился. С русскими рабочими он разговаривал, как с сверхчеловеком (суперменом).

«Я думаю, — сказал он, — вы все равно не сумеете провизить эту пленку, она совершенно особая, цветная, вам придется послать ее за границу. — Он перепугался только в первый момент. Потом он разговаривал с этими «красными» нагло и самоуверенно: ведь ему поручено заснять заводскую территорию «само» американского консульства.

Возможно, что пленка, действительно, особая: ее выдают обычно разведчикам. Возможно, что Станли учится, а не на богословском факультете, а на каком-то другом и приехал сюда «для практики». Может быть, в будущем он и не станет священником...

Почему он на фестивале? Зачем и кому он тут нужен? Разве лишь потому, что он учится только на первом курсе, что он еще только «студент», и потому так легко поведается и так неуклюже врет!

Однако Станли говорит также и правду: к фестивалю он не имеет и не желает иметь никакого отношения. Участвовать в фестивале, представлять ему народных гуляний ему кажется люта нелепостью к нашей стране, но всей той веселой, жизнедающей молодежи, что собралась здесь, в Москве, чтобы продемонстрировать свое единство, свое стремление к миру, свой гнев по адресу поджигателей войны, сверхчеловеков, мечтающих о господстве над другими народами. Не пора ли ему ехать домой, на свой факультет, где его еще недоучили искусство разведки и диверсионных дел?

Интересно, что думают об этом в консульстве США? Не думают ли они, что русские рабочие Родин и Максимов, а вместе с ними и «Литературная газета» опять занялись коммунистической пропагандой?

Однако 7 августа двое рабочих завода, Н. Г. Родин и В. П. Максимов, были немедленно арестованы, все того же Станли Мумфорда на территории предприятия, вернее, — над ним, на железнодорожной насыпи, откуда будущий поппик с большими удобствами фотографировал заводской двор. Его опять задержали. Опять вконец поговорили. Опять отпустили его на все четыре стороны. Однако пленку отняли, за что, по его требованию, заплатили ему ее стоимость — 15 рублей.

На этот раз объяснения м-ра Мумфорда были иными.

Кирилл ДЕНИСОВ

Сильнее смерти

(Окончание. Начало на 2-3-й стр.)

— Так лежал пластом я целые сутки, — тихо, с глухой хрипотой опять заговорил Бабякин. — Ослепел и от ран, и от длинной дороги, и от жажды. Забывался, бредил. Не помню, как я доплел до колоды, куда везли наливки нам, как скотам, а очнулся в грязи и этой грязью захлебывался. И совсем не страшно было и не интересно, как пули колоду меня грядь разили: это в меня из винтовки палил немец со сторожевой вышки. Не знаю почему, а знал я, что он не стреляет меня. Должно быть, очень я верил, что жить буду — жить буду, чтоб вырваться из этой мясорубки, чтобы мстить, чтобы истребить это зверье. И когда я полз через свалил тел — и живых и мертвых, — весь дрожал от лютой ненависти. Я с самых первых дней дрался с ними и, когда отступал, кровью плакал, и сердце разрывалось от боли. Видел я, как они сигналы города и села, как косили с самолетов толпы людей, видел детские трупики, убитых матерей с желтыми младенцами в крови. А вот здесь, в концлагере, пришлось и самому всякие ужасы пережить. Тебе это нужно знать, пареньке, чтобы у тебя сердце кипело. А в борьбе с врагом нужно, чтобы сердце колоталось, и тогда быть будущим без промаха и ни одного шага не сделавшись наездом. Нам надо не отступать, а гнать бандитов, ловить их в волчью яму и давить...

— У меня тоже отца застрелили на моих глазах... с дружно в голосе сказал Юрка. — Большого, полумертвого застрелили. Чем он ни угрожал?

— Как это чем? А тем, что он русский, советский человек. Для них, фашистов, каждый из нас, даже больной, даже ребенок, ненавистен и страшен. Это, дружок, не просто война, а борьба капиталистов против власти трудовых людей... А поэтому и бей их и на шашей, и на икней земле... А мы на ихнюю землю приддем... Не можем не прийти! Сначала у нас сердце чернело от тоски, а сейчас оно у таких, как я, огнем полыхает...

— Ну, а как же вы бежали-то? — напомнил Юрка. — Ведь из этой ловушки и мышья не выскочила бы.

— А я положил себе: выжишу! Выжишу и вырвусь... чего бы ни стоило... И выжил. Погнала нас как-то на работы. Отряд был человек сто. Все больные — едва плетлись. Раненые, конечно, без перевязки. сами себе из рубашек тряпки рвали и раны перевязывали. А раны гнили, тело разбухло, и жгло его, как огнем. У меня в тому же жар был — пуля-то прошла через грудь, дышал я тяжело и харкал кровью. У нас бы с таким ранением далеко в тыл отправили да еще

посомневались бы, выживет ли. И как я не свалился — до сих пор удивляюсь. Другие от пустых ран погибли. А я с каждым днем все злее и злее становился... Как струна натягивался. Тот был каждую минуту броситься на них и вцепиться в горло. Вот это злоба, и нечеловеческую злобу, как нож отчаянья. Я как-то даже и раны-то моей не чувствовал и чуточку стал, как охотник. Подобралось нас таких, как я, человек шесть. И мы как-то молчком, по глазам друг друга поняли. А потом шепотком спор учинили: убьем. Не знаю, почему, может быть, по нашим же глазам, враги нас особенно терзали — и работой, и побоями, и всякими издевательствами. Будто их подкуживали, что мы крепко на ногах стоим: чувствовали, что мы не поддались, что не убить нам нашего духа. Свирепели они, как волки. Выгоняли нас на работы по рытью траншей и блиндажей на берегу реки. Этот берег был пологий, холмистый и чистый, а тот — горный, лесной. Из леса-то на немцев ведем отсюда партизаны нападали. Здорово они этих партизан боялись. Даже в лагере не один раз тревога была. И в отместку за эти тревоги обязательно стрельбу по нам открывали. Изауряли нас тяжелой работой с раннего утра до сумерек. Один раз как-то у меня голова закружилась, и я присел на землю. Подбегает ко мне этот детина, толстый и мордатый, орет и глаза тарачит. Размахнулся — хотел меня приладом огреть. Я вскопчил — и к нему. Должно быть, глаза мои ошпарили его. Поглядели мы малость друг на друга, ухмыльнулись он, опустил ружье. С этого дня он и начал изыматься надо мной. Глаз с меня не спускал и все старался доконал меня, чтобы я духом пал и умереть бы. Да и другие от него не оставили: по-видимому, в аэродроме, куда везли меня до последней точки, а потом привадили, как червяка. Понял я это и еще больше озлился на подонков, думаю, вышло до поры до времени, а своего добьюсь! Мучили нас земной работой до того, что многие падали: очень уж ослабели от болезни, и от голода. Как тени, люди двигались, назревал плакат, а двое решили даже на смерть пойти: бросились на коноводных, ну те их в упор из автоматов и уложили. После этого началось такое ослепение, что за всякий пустяк — палки, приклады и набулки. Плач, стон, крики везд. Слушаешь, а сердце готово лопнуть, и весь дрожит дрожью. И меня не один раз избивали, да я твердо держался, зубы искрились, чтобы ни крика, ни стоны не услышали. До того доходило, что и памяти лишался.

А однажды нас ночью подняли трупы убирать и грузить их на машины. Свежие еще были трупы-то, кровь не застыла. К реву и стонам мы

уже как-то привыкать стали: мимо смерти ходить, на смерть наткнешься, мими товарищей каждый день и час видишь и как-то костенеешь, а тут меня еще злоба да ненависть сковали, весь я какой-то стал каменным. Как увидел я эти трупы-то, затрясло меня, и ноги подкосились. Но мигом опомнился: пуская гады не видеть, как мне тяжело и больно. Тут были и бойцы, и командиры, и одна девушка. Девушка вся кровью залита, вся ободрана. Грудь вырезана, рот разрезан до ушей, и вся она истыкана штыками. А красноармейцы — с перебитыми руками и сломаанными пальцами. Даже до сих пор об этом вспомнить страшно. Смотрим мы друг на друга и себя не узнаем, — оберлись все. А немцы командуют, прикладами подгоняют. Нагнали мы машины, и нас на машины-то, на трупы загнули. Поехали в лес, недалеко от лагеря. Там уже и яма была готова. Сложили мы эти трупы в четыре ряда: один на другой. Не знаю, сколько было людей погублено, но думаю, что человек сто. Зарыли мы их, и опять нас на машины загнули. Немцы почему-то нервничали, торопились. Должно быть, чувствовали, что тут просто подлое убийство было. Скрыть старались, замести следы. Мы были свидетелями, а со свидетелем судиться не могут. По их бандиту бандиты поступают по-бандитски. По их мордам и сразу поняла, что они расправятся с нами. А почему они нас тогда не расстреляли, ума не приложу.

И опять продолжалась наша рабская жизнь. Чувствую я, что слабею. Надо было выбираться из этой морлики незамедлительно, иначе не сдобровать: чую, не ныне — завтра удушат нас. Уж лучше смерть, чем обратиться в падаль. Как-то на работах немцы устроили нам океанское купанье в реке. Уж смеркалось. Вода была черная. Они скомандовали кончать работы. Потом, должно быть, поговору, приказали лезть в воду: «Баден зих!» И эти их крики и чужие слова прямо безумным меня сделали. И тут же решил я, что сейчас-то вот и надо моментом пользоваться. Нас подгоняют к реке и линками сбрасывают в воду. А у берега-то было неглубоко — по шею, не больше. Ну, вынырнули мы, фыркаем, а они и других так же ставливают. И боржому я ребята: гады, мол, над нами решили потешиться. Неспросита они это делают: обязательно утопят. Хватят их в воде, дави и пльви на тот берег! Каждый действо по-своему! Один стоит, вода с них льет, у других только головы торчат. И вот немцы сами полезли в воду и начали с готовом хватить каждого за шиворот и — поглубже в воду. Вынырнет кто, передохнет не может, а немец сразу же опять его обратно в воду. И ржук, как жеробой, торопился. В одной руке держат автомат, другой вьются. Некоторые ребята начали захлебываться. Со мной мой толстый гитлеровец особенно рыдно действовал. Вцепился он в меня до того, что даже пальцы в шею мне врезались. Держит меня в воде и не дает выдохнуть. Потом

даст мне голову высунуть из воды и хохочет надо мной. Да еще в воде сапогами норовит в паз утопить. Сипал я его за ноги и — хлоп! — на самое дно. Вынырнул я в воду и изо всей силы рванул ему хрипя. Выхватил автомат, высунул голову, вдохнул раза два и опять нырнул. Плыл я под водой долго, насколько легких хватил, потом вынырнул и оглянулся. Он бегает уже далеко кат, и темненько уж стало. Вынырнул я так, как будто суматоха: рева, стрельбы. Нарюм я и ныряю. Очень мне мешал плыть автомат — все ко дну тянул, но бросать его мне не хотелось с автоматом я — сам себе козлик. Чувствую, пули около меня жькуют — так воду и полосуют. Но время от времени голову все-таки высываю. Вижу, позади меня тоже головы две маячат. Тот берег уже близко, а течение несло меня уже далекою. Пули жужжат, чакают по воде, фонтаники от них прыгают. А я ныряю поглубже и на миг опять выныриваю. Так я и добрался до берега и сорочка прямо без оглядки в кусты, в заросли и в гору. Очулся там, немощно, всмотрелся в реку — никого нет. Прислушался — никто не ползет, не шевелится. Значит, не удалось товарищам спастись — крики, и там — на том берегу — стрельба, скрепи и стоны. И когда я в распадок стал приходить — захватил себя в слезах, плачу, тряусь себя и боржому: «Товарищи мои, братцы!» И тут же вдруг испугался. Что же это сижу, как идол. Ведь сейчас меня могут накрыть. Вскочил я и изо всей сил бросился бежать в самую гущу леса — все на гору да на гору, потом кубарем слезал в буряк и чаюбой побежал дальше. А рука так у меня к автомату прицепилась, что пришлось потом пальцы отдрать. С неделю я так по диним зарослям блуждал и все дальше в дебри забирался.

Бабякин замолк как-то сразу и задумался. Юрка хотел спросить его, сколько времени он шел и как добрался до наших войск. Ведь как он ни скрывался от немцев и в лесу, а глухомани, голодной, больной, одиначий, все-таки на каждом шагу угрожал ему и пуля, и петля, и облыав... Может быть он набрал на партизан, которые помогли ему перейти фронт, а может быть, встретился с другими бойцами, которые очутились в таком же положении? Каждый день был непрерывной борьбой: тысячи опасностей угрожали, как загнуанному зверю, и каждый шаг к своей цели нужно было брать с бою — зоркостью, хитростью, ловкостью, упорством. Хотел Юрка поспросить Бабякина, чтоб рассказал ему об этом, но не решился: Бабякин сидел угрюмо, отчужденно и уже ничего не видел вокруг себя. И Юрка казался, что если бы он и обратился к нему с вопросом, Бабякин не отозвался бы. И как-то было обидно Юрке видеть его таким же рядовым бойцом, как и все, да еще около кухни за чистой картошки. Вот он сидит, задумавшись, и смотрит застывшими глазами в одну точку, и Юрка чудится, что ря-

дом с Бабякиным он такой маленький, беспомощный, как ребенок... А на самом деле Бабякин — совсем невидный и незарачный человек; и ростом низенький, и лицом некрасивый (оно у него какое-то измятое, жухлое, курносое), и одет в грязную, пропотевшую гимнастерку. Вот он молча разулся, развернул грязные портянки, положил их на сапоги. Потом опять молча и отчужденно пошел, как будто раздумывая о чем-то важном, поглядывая на небо, обрызганное звездами, на тусклые зарева пожаров над крышами домов и сказал:

— Да... матушка советская Русь! Велика она и широка, и навеки нерушимая... Сколько бы бед народ ни перенес, все-таки жизнь и радость — впереди... как мореп... Ни вычерпать, ни высушить никакому сопосту...

Влажный смрад от портянок удушливо пахнул Юрке в нос. Он безграбиво отодвинулся от Бабякина. Уж не наврал ли он о своих муках и злоключениях? Как-то не вылезало эта его нечеловеческая и незарачность с теми — страдающими, нечеловеческой борьбой, которые он перенес в плену. Бабякин лег, подложил под голову вещевой мешок и со стоном вдохнул. Юрка встал и хотел пойти к кухне разойтись парт, чтобы лечь там на доску... но Бабякин приподнялся на локте и ласково засмеялся:

— Родная-то земля мягкая... теплая... живая она, матушка...

Он поправил вещевой мешок, чтобы удобнее было лежать, и необычно бодро и заботливо предупредил Юрку:

— Не отшнываешь от меня! Завтра, ежели выпадет денек, дело делать будем: поучу пулеметом управляет. Третьим номером у меня будешь.

Он опять лег, снял пилотку с головы и положил ее на ухо, повозился, боржомо что-то сам с собою, и едва слышно простонал. Почему он стонет даже тогда, когда разговаривает? Всподу на земле один и одному лежали бойцы, и воздух дрожал от их храпа. Небо вспыхивало красными сполохами от далеких и близких пожаров, и звезды тухли в этих необъятных вспыхах, а воздух туманился оранжевым дымом и обливал и груды спящих людей, и землю, и стены школы кровавым мерцанием.

Юрка лег рядом с Бабякиным и свернулся калачиком.

1943

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, Е. РЯБИЧКОВ, В. ФРОЛОВ.